

«СЕРДОЛИКОВОЕ ИМЯ»

(Юлия Белохвостова, Синдром Айседоры. – М., Стеклограф, 2020. – 70 с.)

Книга Юлии Белохвостовой возвращает нас к истории любви Сергея Есенина и Айседоры Дункан, «божественной босоножки». Цикл стихов Белохвостовой, посвящённый этой прославленной семейной паре, превратился в книгу, где любовная лирика Юлии обрамлена историей любви Сергея и Айседоры. Название книги загадало мне загадку: почему «синдром»? Это слово практически не употребляется в сочетании с именем человека. Как явление – да, безусловно, встречается. Например, военный синдром, стокгольмский синдром. Но ведь мы не скажем «синдром Александра Македонского», имея в виду, к примеру, ранний уход человека из жизни. Само слово «синдром» несёт в себе что-то неприятное, нежелательное, то, чему трудно противодействовать. Обычно это цепная реакция, механизм, когда одно действие или событие неизбежно влечёт за собой ряд других. Что же может подразумевать «синдром Айседоры»? Возможно, это способность выбирать в любви трагический мезальянс. Влюбляться в тех мужчин или женщин, которые по ряду причин совершенно тебе не подходят. И шире, «синдром Айседоры» – это умение обманываться в любви. Любимый человек – это айсберг, которого целиком, с первого раза, не рассмотришь. А любви – свойственно фонтанировать, фантазировать и обманываться. «Я сам обманываться рад», – признавался Пушкин. Юлия Белохвостова не считает судьбу человека некоей заданностью, где всё определено заранее. Она пишет, что и у Айседоры с Есениным всё могло сложиться по-другому:

*Могло бы сложиться совсем по-другому –
он был бы нежнее к своей иностранке
и, словно собака, приученный к даму,
забыл бы со временем пьянки-гулянки.*

*Она бы меняла шарфы и диеты
в борьбе со своей ускользающей формой,
давала уроки – и – реже – концерты,
учила бы русский, смешно и упорно.*

В данном конкретном случае я очень сомневаюсь, что всё могло быть по-другому. Есенин был человеком малообразованным; английского языка он не знал. Он был моложе своей жены на 18 лет. И, конечно, он слишком много пил, и в таком состоянии периодически поднимал руку на своих избранниц. А его гениальность была непонятна Айседоре из-за языкового барьера. Всё это в совокупности не могло не сказаться на долговечности их чувств. А вот, скажем, Марина Влади могла оценить по достоинству гениальность Высоцкого. Но самое трагичное в истории с Айседорой и Есениным – пожалуй, насильственная смерть обоих. А ещё перед знакомством с Сергеем у Айседоры трагически погибли её дети. Тем не менее любовь между ними была, яркая, нестандартная, легендарная. Многие люди оставили об этом воспоминания. Среди них – переводчица Нина Яковлева, в квартире которой позже встретятся Арсений Тарковский и Марина Цветаева.

*Что он может дать, этот вечер,
в части счастья – полный банкрот?
Нечем одарить ему, нечем
чувственные плечи и рот...*

*В городе усталом, холодном,
в доме, бесконечно чужом,
быть поэтам, видимо, модно,
модно собираться без жён.*

*Нужно ли понять ей пытаться
то, что он сейчас говорит?
Плавные движения танца
слушают дыхания ритм.*

*Кто он, что он, чёрт или ангел,
на кого до боли похож?
Истина любая с изнанки –
самая банальная ложь.*

*В золото волос его руки
ласково вплетая, молчит...
От какого счастья и муки
этот танец дал ей ключи?*

*Для того и нужен был вечер,
чтобы эти двое сошлись.
Больше одарить ему нечем
странную и страстную жизнь.*

Крепкое слово «мерзавец», адресованное Сергею Есенину в другом стихотворении, признаюсь, не вызвало у меня протеста. Это ведь касалось не творчества поэта, а его поведения по отношению к женщинам. Книга Юлии Белохвостовой выстроена так, что читателям порой непонятно, это всё ещё стихи про Есенина и Айседору или уже нет? Лирическая канва этих стихотворений, их житейская по-доплёка во многом совпадают. В «Синдроме Айседоры» звучит и тема преодоления, обретения себя, невзирая на житейские невзгоды.

*Не бойся за меня – не пропаду,
переживу период Айседоры,
перетерплю, переболею скоро
привычкой быть с собою не в ладу.*

*Мост от себя к себе не пробежу,
не перейду – легко перетанцую.
Удержит ли танцовщицу босую
хоть кто-нибудь на этом берегу?*

*Удерживая сердце на весу,
удерживая в голосе рыданье,
не уронив ни одного касанья,
перенесу себя, перенесу*

*былых потерь невыплаканный груз
и будущих потерь неотвратимость –
не бойся за меня, мне приходилось
и тяжелей, я больше не боюсь.*

Я люблю знакомиться со стихами Юлии Белохвостовой «с голоса». У её стихов – колдовской звук, и это непременно нужно слушать. Хотя и на бумаге стихи ничуть не теряют своих достоинств. Таково и стихотворение «Сердоликовое имя»:

*Перебираю слова – закатных бус
камешки перекатываю во рту я.
Пробую языком на ощупь, на вкус:
гладкие до чего! Проглотить боюсь,
вот и молчу, не думай, что я флиртую.*

*Тайнами так и полнится сердце,
имя моё звучит так ласково: «Юля»,
катится леденцом тебе на язык.
Кажется только, к сладкому ты привык —
пробуешь выжидательно, не горчу ли?*

*Горечи нет в предчувствиях у меня,
знаю наверно — ты позабудешь имя
цвета заката, радости и огня,
то, что, от бед и гнева тебя хранив,
делало сердце день ото дня ранимее.*

Это стихотворение вызывает у меня любопытные ассоциации. Известно, что Демосфен упражнялся в ораторском искусстве, набрав в рот камешков, и эти упражнения помогали ему совершенствоваться дикцию. У поэта задачи несколько другие. Что же помогает поэту обрести свою личную просодию? Какие драгоценные камешки ему в этом способствуют? По стилистике стихи Белохвостовой из «Айседоры» близки к ранней Ахматовой: «Не словами его, не взглядом / не намёками смущена, / только тем, что садится рядом / у зашторенного окна, / только тем, что, руки касаясь, / руку сразу не уберёт... / Я же вижу, какая зависть / у подруги ломает рот. / Что с того, что ни сном ни духом, / ни единой пока строкой? / По вполне достоверным слухам, / он боится за свой покой. / Только мне беспокойства мало, я надеялась на испуг, / потому и не отнимала / у него медлительных рук».

В «Айседоре» много лирических пейзажей, посвящённых морю. Юлия родилась в солнечной Евпатории, где работал тогда её папа. «Из моря, из белой воздушной пены — / не рождена из неё, но всё же / похожа, / когда вот так, высоко поднимая колено, / блестящее загорелой кожей, / я выхожу на жгущий ступни песок. / До горизонта... Впрочем, / разве его между небом и морем увидишь ночью? / До тонкой полоски суши, врезанной в воду косою — / мир равномерно засыпан / золотом тёплым, влажным, / будто однажды / были часы разбиты — / кто-то из неба в темень / высыпал время». Море объединяет двух главных героинь книги — Айседору и Юлию. Это Айседора, танцующая Афродиту в своём древнегреческом танце, выходит из пены. Но море, по праву рождения, принадлежит и Юлии.

Юлия Белохвостова умеет удивлять читателей. «Как хорошо расстаться в ноябре...» — так начинается одно из своих стихотворений. «Читатель ждёт уж рифмы розь!» С кем это она хочет расстаться? И тут, как гром среди ясного неба — «С бессонницей, назойливой, как муха». Это делает книгу Белохвостовой интересной, эмоциональной, запоминающейся. Что бы ни происходило в жизни творца, он остаётся в памяти потомков благодаря своему творчеству.

*Шаги этой девочки так легки —
не крѣпья ли там к ступням привязаны?
Не быть никогда этим ножкам грязными,
не им предназначены сапоги,*

*и узкие туфли, и чинный вальс —
до трёх досчитать с её ли терпением?
О, как незначительна сила трения
для той, что в движении родилась!*

*Для той, что, как посуху — в небесах,
и только босые следы оставила,
и тот, кто для всех обозначил правила,
её в исключения записал.*

*Не ей ли и в храм заходить, и в хлев,
венки Терпсихоры на кудри медные,
не ей ли возлюбленной быть и преданной,
и самой несчастной из смертных дев?*

*И в мёртвую воду реки войти,
движения волн повторяя жестами,
и выйти на берег — босой, божественной,
бессмертной богинею во плоти.*